

UNITED WISDOM

Ицзин: текст перемен, история толкований и символическое применение

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-23-N04 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Ицзин: текст перемен, история толкований и символическое применение

«Не время для активного действия».

Ицзин, Цянь, первая линия; английский перевод James Legge. Здесь и далее русский перевод цитат — авторов статьи с указанного английского текста.

О чём эта статья

Шесть линий могут вызвать больше споров, чем длинное объяснение. Одни видят в них ответ о будущем, другие — устройство мира, третьи — повод признаться себе, какой ответ они хотели получить. Прежде чем выбирать между этими версиями, стоит заметить: они отвечают на разные вопросы.

Ицзин, или «Канон перемен», связан с гаданием, но его история включает также споры о действии, времени, власти и способах чтения. Разберём ранние изречения, гексаграммы, «Десять крыльев» и позднейшие комментарии. Знание слоя текста меняет то, кому мы приписываем мысль. Затем рассмотрим, что образ даёт размышлению и чего он не доказывает о будущем. В центре будут дракон гексаграммы Цянь, ожидание в Сюй и различающиеся способы толкования. Практическая часть предлагает современное чтение, при котором символ помогает поставить вопрос, а решение остаётся ответственностью человека. Это применение не объявляется единственным подлинным назначением книги: уважение к её истории совместимо с проверкой сегодняшнего вывода.

I. Книга, у которой больше одного времени

Ицзин удобнее понимать как историю наслоений, чем как сообщение одного мудреца. В основе находится Чжоу и — «Перемены Чжоу», ранний гадательный текст с фигурами и краткими изречениями. С ним соединён корпус комментариев, известный как «Десять крыльев». Его традиционно связывали с Конфуцием; это традиционная атрибуция, а не установленное современным исследованием авторство. Точные датировки отдельных частей обсуждаются. Уже это различение объясняет, почему соседние страницы книги могут говорить столь разными голосами. Исторический обзор IEP.

@andrey.zarinsh @ilkutki

Ранний текст часто выглядит неудобным для читателя, ожидающего отвлечённого трактата. В нём встречаются путешествия, животные, опасные переходы, социальные положения, благоприятные и неблагоприятные исходы. Поздний комментарий может извлечь из такого материала космологический или нравственный смысл. Нельзя автоматически приписывать ранней формуле всю философию последующего толкователя. Нельзя и считать комментарий простым искажением: он сам является значительной частью истории китайской мысли.

Разница похожа на разницу между старым судебным решением, позднейшим комментарием юриста и современным эссе о справедливости. Все три могут находиться под одной обложкой, но это не один жанр и не один исторический момент. Если читатель не замечает смены голоса, он принимает итог многовековой работы за готовое послание из единого древнего источника.

Поэтому полезно задавать к странице два вопроса: что именно я читаю и кто делает следующий вывод? Это может быть изречение о линии, объяснение образа, переводческая сноска или современное применение. На русском различие иногда скрывается ещё и за гладкостью перевода. Связный абзац способен звучать так, будто весь его смысл изначально принадлежал одному автору. Хорошее издание помогает восстановить границы.

Историческая многослойность не уменьшает значимость книги. Она меняет причину этой значимости. Перед нами не неподвижный склад ответов, а текст, вокруг которого поколения учились спорить о переменах. Уважение к нему начинается с готовности различать эти поколения, а не объединять их ради красивой легенды.

II. Что показывают шесть линий

Гексаграмма — фигура из шести расположенных друг над другом линий. Линии бывают сплошными и прерывистыми; сочетания двух типов дают шестьдесят четыре фигуры. Это устройство легко описать математически. Гораздо труднее понять, какие значения ему придают в конкретном тексте и конкретной школе.

У позиции есть значение. Нижняя и верхняя линии не взаимозаменяемы просто потому, что обе сплошные. Фигура читается как расположение отношений, стадий и возможностей. В различных процедурах выделяются изменяющиеся линии, и возникает вторая фигура. Однако из того, что система позволяет изображать изменения, не следует, что любой её переход соответствует будущему событию в жизни спрашивающего.

Первую гексаграмму, Цянь, составляют шесть сплошных линий. В переводе Джеймса Легга изречения о её линиях проводят образ дракона от скрытого положения к

@andrey.zarinsh @ilkutki

появлению и подъёму; верхняя линия связывает превышение меры с сожалением. Здесь существенно движение образа, а не объявление дракона тайным названием личности читателя. Цянь в переводе Легга.

Возьмём условный пример: человек начинает проект и особенно любит образ полёта. Он может решить, что книга подтверждает его исключительный успех. Но в той же последовательности обнаруживается вопрос о преждевременном выступлении и превышении меры. Если он выбирает только удобный образ, он не столько читает текст, сколько получает символическое оформление своей уверенности. Более внимательное чтение спрашивает: какой этап я предполагаю, на каких наблюдениях основано это предположение и что я игнорирую?

Схема не освобождает от необходимости описать реальную ситуацию. Она может придать описанию форму. В этом её возможная интеллектуальная сила: читатель видит не только качество — сильный, слабый, удачливый, — но положение внутри меняющегося целого. Однако схема начинает обманывать, когда её привлекательность принимают за достаточное подтверждение соответствия.

Важно также не смешивать наглядность и универсальность. Шесть линий дают компактный язык, но компактный язык не обязан объяснять все обстоятельства. Врачебное заключение, договор или поступок другого человека содержат сведения, которые не возникают из фигуры. Для решения их нужно получить отдельно.

III. Перемена не означает, что всё одинаково допустимо

Современное слово «перемены» легко превращается в разрешение на бесконечную гибкость: сегодня верно одно, завтра противоположное, значит, устойчивых оснований нет. Но чтение Ицзин не обязательно ведёт к такому выводу. Его образы позволяют обсуждать уместность действия — соответствие поступка времени, положению и отношениям.

Уместность отличается от удобства. Удобно может быть промолчать, когда необходимо защитить человека. Уместно может быть отложить выступление, хотя молчание неприятно. Чтобы различить эти случаи, недостаточно общего призыва «почувствовать момент». Нужно назвать, что изменилось, кто затронут решением и какие обязанности сохраняются.

Гексаграмма Сюй, обычно связанная с ожиданием, в переводе Легга различает положения ожидающего: далеко от опасности, на песке, в грязи и далее. Ожидание здесь не представлено одной и той же безусловно благой позой. Читатель получает неодинаковые ситуации под общим названием. Сюй в переводе Легга.

Это различение можно современно применить к отсрочке трудного разговора. Пауза ради получения сведений отличается от паузы, во время которой ущерб продолжает расти. В первом случае время работает на понимание; во втором бездействие уже является действием с последствиями. Текст не знает, какой из этих случаев происходит у читателя. Символ полезен, если помогает поставить вопрос, а не если заранее разрешает избегание.

Не всякая перемена требует немедленного ответа. Не всякая устойчивость означает косность. Хорошо построенное размышление должно оставлять обе возможности. Если символическая система заставляет каждый раз выбирать одно и то же — всегда рисковать, всегда ждать или всегда искать скрытый знак, — её использование стало беднее самого человеческого опыта.

У перемены есть ещё одна неудобная сторона: вместе с обстоятельствами приходится обновлять собственное объяснение. Человек может правильно оценить начало проекта и ошибиться спустя полгода, потому что продолжает действовать по прежней карте. Размышление о времени тогда означает готовность пересмотреть карту, а не уверенность в том, что древняя фигура навсегда закрепила нужную стратегию.

IV. Почему толкователи не обязаны соглашаться

История комментариев к Ицзин включает различные направления: космологические построения, внимание к образам и числам, нравственное рассуждение, способы гадательного применения. Ван Би, мыслитель III века, особенно важен для линии, которая спрашивает о смысле и его отношении к образам и словам. При этом противопоставление школ не нужно превращать в безупречно жёсткое деление: реальные толкования могут соединять несколько задач. Обзор философии перемен в SEP.

Вопрос Ван Би о словах, образах и смысле помогает увидеть обычную проблему чтения. Допустим, образ нужен, чтобы сделать мысль доступной. После того как мысль понята, удерживание каждого внешнего признака образа может мешать пониманию. Но слишком быстрый отказ от образа тоже опасен: читатель оставляет себе не смысл текста, а собственную общую идею. Нужно пройти через текст, чтобы иметь основание двигаться дальше.

Это не спор между суеверными людьми и рациональными людьми в современных значениях этих слов. Исторические участники могли признавать общие космологические предпосылки и расходиться в том, как именно книгу следует объяснять. Когда современный читатель распределяет древних авторов по своим готовым лагерям, он часто теряет их действительные разногласия.

Различие толкований также показывает, почему фраза «Ицзин говорит» нуждается в продолжении. Какое место? В каком переводе? С каким комментарием? Одно и то же решение может выглядеть по-разному, если важнее считается положение линии, название фигуры, общий образ или нравственная характеристика действующего человека. Это не разрешение придумывать любой ответ. Это требование обозначать путь от текста к ответу.

Для читателя здесь есть полезная дисциплина: сравнивать толкования по тому, что они объясняют, а не по тому, насколько приятен результат. Толкование, которое всегда сообщает о скрытом величии спрашивающего, эмоционально привлекательно. Но оно может обходить неудобные места текста и реальные последствия поступка. Другой комментарий окажется менее утешительным, зато заставит точнее назвать проблему.

При сравнении стоит отделить спор о значении текста от спора о том, подходит ли он к случаю. Представим двух читателей, обсуждающих начало совместной работы. Оба понимают предупреждение против преждевременного действия одинаково. Но первый считает, что участники ещё не договорились о цели; второй уверен, что цель ясна и задержка уже мешает. Они расходятся прежде всего в описании обстоятельств. Выбор более авторитетного комментария не установит за них, состоялась ли договорённость.

Возможен и обратный случай: обстоятельства описаны одинаково, но читатели по-разному понимают роль образа. Один видит в нём требование сохранить осторожность, другой — приглашение проверить готовность. Тогда следует вернуться к конкретной строке, соседним изречениям и пояснению переводчика. Нельзя разрешить этот спор одним утверждением, что первый человек смелее или второй лучше чувствует перемены: характеристика читателя не заменяет аргумента о прочитанном.

Так различаются два направления исправления. Если неточен переход от строки к смыслу, требуется внимательнее читать. Если неточен переход от смысла к ситуации, требуется лучше узнать ситуацию. Иногда нужны оба шага. Это позволяет обсуждать книгу совместно, не заставляя каждого несогласного выбирать между подчинением чужому толкованию и отказом от самого текста.

Необязательно самому стать специалистом по всем историческим школам. Достаточно не выдавать первую встретившуюся интерпретацию за единственную китайскую традицию. Многовековая книга заслуживает хотя бы такого небольшого пространства для несогласия.

V. Перевод уже является решением

Читатель русского Ицзин встречается не только с древними изречениями. Между ними и читателем находятся выбор слов, устройство издания и работа переводчика. Если одно слово передаётся как «верность», другое как «правильность», а третье как «настойчивость», это способно изменить практический вывод. Название фигуры тоже не является готовым диагнозом ситуации.

В старом переводе Легга можно увидеть, как краткая формула сопровождается пояснениями в скобках и историческими примечаниями. Их полезно читать, но нужно понимать, что пояснение и исходная формула — разные элементы страницы. Сам Легг включал отдельное введение о приложениях, показывая, что устройство книги требует объяснения. Введение о комментариях и приложениях.

Выбор перевода особенно важен при символическом применении. Если переводчик вводит слово, близкое сегодняшней психологии, читатель может принять психологический смысл за древнюю исходную категорию. Если перевод предельно архаичен, возникает другая опасность: туманность начинает казаться глубиной. В обоих случаях полезно различать эффект языка и содержание мысли.

Практическое сравнение двух переводов не требует вердикта, какой из них абсолютно правильный. Можно найти место, где вывод зависит от одного слова, и проверить комментарий. Например, призыв к устойчивости может относиться к сохранению обязательства, а не к упрямому повторению неработающей стратегии. Разница существенна. Один русский вариант способен сделать её заметной, другой — скрыть.

Не стоит превращать это наблюдение в бесконечное сомнение, при котором никакое чтение уже невозможно. Перевод позволяет читать, просто не отменяет посредничества. Мы ежедневно доверяем переведённым книгам и всё же умеем различать уверенное значение и спорную деталь. Для Ицзин достаточно той же взрослой осторожности.

Хорошая привычка — записывать источник формулировки. «Мне откликнулся этот образ в таком-то переводе» точнее, чем «древние китайцы велят мне поступить так». Первая фраза оставляет место для обсуждения; вторая превращает переводческий выбор в приказ от имени огромной традиции.

VI. Символическое узнавание и доказательство будущего

Символ может точно попасть в переживание человека, не сообщив нового факта о внешнем мире. Эти два вида точности нужно разделять. Образ ожидания может помочь признать собственную нерешительность. Из этого не следует, что он предсказал результат переговоров.

Исторический факт существования гадательных процедур подтверждает, что люди обращались к книге таким образом. Он не является проверкой точности этих процедур. В рассмотренных здесь исторических и философских источниках нет эмпирического основания обещать читателю, что случайно полученная гексаграмма надёжно предскажет конкретное событие. Это ограничение данного исследования, а не попытка объявить всю символическую жизнь человечества бессмысленной.

Если выдвигается проверяемое предсказательное утверждение, ему нужна соответствующая проверка: заранее зафиксированный прогноз, ясные условия успеха и ошибки, учёт неудач, сопоставление с альтернативным объяснением. Позднейшее узнавание подходящего образа такой проверки не заменяет. Текст, который можно связать и с успехом, и с неудачей после события, способен быть содержательным для размышления, но именно поэтому его трудно считать точным прогнозом.

Условный пример: два человека получили один образ перед собеседованием. Один увидел в нём обещание продвижения, другой — предупреждение об опасности. После разных результатов оба считают книгу подтвердившейся. Возможно, оба чему-то научились о себе. Но их удовлетворение не позволяет вычислить предсказательную точность метода. Здесь различаются личная значимость и внешняя проверяемость.

Современное символическое чтение можно строить честно: не спрашивать, сообщила ли фигура скрытые намерения другого человека, а выяснять, какое предположение она заставила заметить. Если предположение важно, его проверяют разговором, наблюдением или документом. Символ помогает открыть вопрос; сведения помогают на него ответить.

Такое разделение не обедняет опыт. Оно освобождает образ от обязанности быть аппаратом предсказания, а человека — от необходимости подчинять реальные обстоятельства красивому совпадению. Значимый символ может оставаться значимым и без права решать за нас.

VII. Ответственность нельзя передать книге

Даже убеждённый участник гадательной традиции остаётся человеком, который формулирует вопрос, выбирает процедуру и толкование, а затем действует. Ссылка на полученный ответ не устраняет эту цепочку решений. Особенно важно помнить о ней, когда последствия затронут другого человека.

Предположим, руководитель объясняет увольнение сотрудника тем, что «перемены требуют расставания». Такая формула может скрыть отсутствие ясных критериев, непроговорённый конфликт или собственное желание избавиться от неудобства. Символическая речь делает решение возвышенным, но сотруднику нужны конкретные

основания и справедливый процесс. Уважение к традиции не требует принимать символ вместо объяснения.

Ицзин может быть предметом совместного обсуждения, если все участники свободно выбирают этот язык. Но один человек не вправе навязывать другому его авторитет как проверенное знание о чужих мотивах. Если собеседник не разделяет мировоззренческую рамку, обсуждать следует реальные обстоятельства: что произошло, какие договорённости нарушены, какие варианты существуют.

Есть и более тихая форма передачи ответственности. Человек бесконечно повторяет обращение к книге, потому что ни один ответ не избавляет его от тревоги выбора. Вместо ясности возникает новая процедура проверки. Здесь полезно спросить, чего он ждёт: дополнительной мысли или гарантии отсутствия сожаления. Книга способна предоставить мысль. Гарантия такого рода может быть недоступна самому решению.

Ответственность не равна всемогуществу. Человек не контролирует итог полностью и может ошибиться при добросовестном выборе. Признать это легче, если решение опиралось на доступные сведения и объяснимые основания. Тогда его можно пересмотреть. Решение, защищённое непроверяемым приказом, труднее обновлять: признание ошибки начинает казаться предательством священного авторитета.

Поэтому полезная граница проста: символическое чтение может участвовать в размышлении, но не закрывать обсуждение. Чем существеннее последствия, тем важнее дать вопросу выйти из символического языка в язык причин, прав, возможностей и проверяемых условий.

VIII. Случайность, ритуал и право на остановку

Получение фигуры и её прочтение — два разных события. Случайный выбор может нарушить привычный ход мысли: человеку достаётся образ, который он сам не выбрал бы. Но такой выбор не делает интерпретацию случайной в том же смысле. Читатель приносит в неё ожидания, страхи, знание ситуации и предпочтительный вывод.

Это позволяет точнее понять возможную пользу обращения к книге. Если человек всегда рассуждает в одном направлении, неожиданный образ способен предложить другой вопрос. В таком случае польза возникает из расширения рассмотрения. Чтобы она состоялась, необходимо допустить, что новый вопрос окажется неуместным. Иначе любой случайный результат автоматически получает обязательную власть над решением.

Ритуальная сторона тоже заслуживает уважительного понимания. Повторяющиеся действия, пауза и внимание к процедуре могут значить для участника больше, чем

получение номера. В исторической традиции они связаны с определённым представлением о мире; сегодняшнее чтение не вправе задним числом объявить их всего лишь приёмом продуктивности. Но современный человек может отдельно заметить ценность паузы, не утверждая этим истинность всей космологии.

Условный пример: перед важным выбором человек открывает текст и замедляет привычное решение. Затем он действительно замечает, что не уточнил мнение другого участника. Это полезный результат. Однако неизвестно, требовалось ли для него именно получение фигуры: похожую паузу могли создать прогулка, разговор или запись аргументов. Личный опыт позволяет сказать «мне помогло», но не обосновывает фразу «всем нужна эта процедура».

Есть ещё вопрос о завершении. Если новое обращение происходит всякий раз, когда предыдущее не дало желанного ответа, книга может стать способом бесконечно отодвигать решение. Тогда читатель уже не открыт случайности: он перебирает её до получения удобного знака. Важно заранее определить, для чего производится обращение и что будет достаточным результатом. Например, получить один новый вопрос и затем вернуться к обычной проверке обстоятельств.

Право остановиться принадлежит человеку. Необязательно получать ещё одну фигуру, если чтение усиливает растерянность. Необязательно считать отсутствие отклика духовной неспособностью. Уважение к значимому тексту совместимо с признанием, что сейчас он не помогает. Книга не становится менее интересной оттого, что не обязана сопровождать каждый выбор.

Это же относится к цифровым приложениям. Быстрый экранный результат не меняет природы знания: программа может точно воспроизвести процедуру получения линий и всё равно не знать обстоятельств вашей жизни. Техническая безошибочность генерации фигуры и содержательная обоснованность совета — независимые вопросы. Чем удобнее инструмент, тем полезнее сохранять это различение. Красивый интерфейс не является ещё одним комментатором, заслужившим доверие самим фактом своего появления.

IX. Читать перемены, не отменяя неизвестного

Сила Ицзин проявляется в том, что книга заставляет смотреть на действие внутри отношений и времени. Одно и то же усилие может быть своевременным, преждевременным или запоздалым. При этом знание о переменах не означает всеведения. Пределы понимания остаются частью положения человека.

Историческое чтение сохраняет несколько голосов: ранние изречения, поздние комментарии, переводчиков и современных интерпретаторов. Символическое чтение сохраняет разницу между образом и фактом. Ответственное применение сохраняет

человека, которому предстоит выбрать и встретиться с последствиями. Эти границы нужны не для того, чтобы обезвредить книгу, а для того, чтобы она могла быть прочитана внимательнее.

Можно уйти от неё с новым вопросом и без готового предсказания. Например: «Я действительно жду подходящего времени или защищаюсь от необходимости действовать?» Такой вопрос не даёт гарантии. Зато он делает видимой развилку, которую прежде скрывала общая фраза о судьбе.

Ицзин не нужно превращать ни в универсальный алгоритм решений, ни в музейный предмет, лишённый способности затронуть сегодняшнего читателя. Между этими крайностями есть трудное, продуктивное чтение: уважать чужую историю, проверять собственные выводы и не называть неизвестное уже решённым. Шесть линий тогда не закрывают будущее. Они помогают лучше рассмотреть место, из которого человек к нему идёт.

Что это значит на практике

Современное чтение Ицзин может быть упражнением в смене вопроса. Это предлагаемое здесь применение, а не реконструкция единой древней процедуры. Для него необязательно бросать монеты. Можно выбрать конкретную гексаграмму и прочитать её вместе с обозначенным комментарием.

Начните с короткого описания ситуации без символов. Что произошло? Что известно непосредственно? Чего вы не знаете? Какое решение действительно принадлежит вам? Если описание невозможно составить, получение фигуры не восполнит фактический пробел.

Затем прочитайте образ целиком, включая неудобные элементы. Не ищите только фразу, подтверждающую желаемый исход. Сформулируйте два разных вопроса, которые возникают из текста. Для образа ожидания это могут быть: «Какие сведения ещё способны изменить решение?» и «Какой ущерб приносит отсрочка?» Они направлены в противоположные стороны и поэтому помогают избежать заранее выбранного ответа.

После этого отделите аналогию от утверждения. «Мой проект напоминает раннюю стадию» — аналогия. «Партнёр обязательно предаст меня» — утверждение о другом человеке. Для второго нужны основания, которых первое не предоставляет. Если образ вызывает сильное чувство, полезно назвать его отдельно: страх, облегчение, желание разрешения. Чувство показывает вашу реакцию на чтение, а не намерения партнёра.

Наконец, выберите небольшой шаг, который можно проверить обычными средствами. Уточнить условие договора. Получить отсутствующее число. Спросить о сроке. Обсудить

предел риска. Или признать, что для решения пока нет достаточной опоры. После шага вернитесь к исходному описанию и измените то, что оказалось неточным.

Можно вести две соседние записи: «что подсказал образ» и «что удалось проверить». Они не должны совпадать. Иногда проверка опровергнет первое впечатление; это не провал размышления, а его полезный результат. Если чтение оставляет вам возможность обнаружить ошибку, оно поддерживает обучение. Если любая проверка заранее должна подтвердить символ, обучение становится невозможным.

Такое возвращение к проверке не обязательно обедняет символическое чтение. Образ может оказаться важным, даже если первая догадка была ошибочной: он помог заметить, какие ожидания мы внесли в ситуацию. Ценность тогда относится к прояснению собственного вопроса. Она не требует объявлять книгу источником сведений о чужих намерениях или ещё не произошедших событиях. Ответственность состоит и в точном названии того, что удалось получить.

Ключевая цитата

> *«Верхняя девятка, непрерывная, показывает дракона, превысившего должные пределы. Будет повод для сожаления».*

Ицзин, Цянь, верхняя, шестая линия; перевод James Legge, русский перевод авторов статьи. В контексте речь о превышении меры. Эта строка возвращает нас к вопросу о своевременности; она не сообщает, какое именно решение должен принять нынешний читатель.

Связи между традициями

Ниже — наши аналитические сопоставления. Они показывают сходство вопроса и границу ответа; сами по себе не устанавливают исторического влияния.

Вопрос	Позиции и опоры	Реальное сходство	Граница сравнения
Числа и смысл	Космологические толкования и Ван Би: слова, образы, смысл	Один канон позволяет спрашивать и об устройстве перемен, и о понимании ситуации.	Толкование через числа и движение от слов и образов к смыслу не являются одной техникой; обзор описывает разные линии.

Вопрос	Позиции и опоры	Реальное сходство	Граница сравнения
Действовать или ждать	Цянь, линии 1–6 и Сюй, линии ожидания	Действие оценивается в отношении позиции и времени.	Ожидание не общая противоположность активности: разные места дают разные основания решения.
Оракул и долг	Цянь и Эпиктет, §32	Вопрос о будущем не устраняет вопрос о правильном действии.	Эпиктет сам допускает гадание в ограниченных случаях; он не современный критик всех оракулов и не толкователь Ицзин.
Поступок и исход	Цянь, первая и верхняя линии и Гита, II.47–48; III.4–9	Сила желания не гарантирует удачного исхода; отношение к действию требует дисциплины.	Гита обсуждает долг и освобождение от привязанности к плоду, а не чтение гексаграмм или китайскую космологию.
Различение положений и задач	Сюй, первая и третья линии, перевод Legge и SN 56.11: четыре задачи	Ожидание вдали от опасности и ожидание у опасного потока получают разные оценки; в сутте понять, оставить, осуществить и развивать также нельзя заменить одним действием.	Сюй различает символические положения ситуации; задачи четырёх истин входят в путь прекращения страдания. Сходство различений не доказывает одинакового метода или эффективности оракула.

Первоисточники

• «Ицзин», Сюй, первая и третья линии, перевод James Legge: дополнительное размещение: конкретные различия положения ожидания для последнего ряда карты. Это тот же перевод, а не новая независимая работа.

• Ronnie Littlejohn. Chinese Philosophy: Overview of History, Internet Encyclopedia of Philosophy, раздел о «Великом комментарии»: слои текста и традиционная атрибуция «Десяти крыльев».

• Tze-Ki Hon. Chinese Philosophy of Change (Yijing), Stanford Encyclopedia of Philosophy: направления толкования и отношение слов, образов и смысла.

• «Ицзин», перевод James Legge. I. The Khien Hexagram: первая гексаграмма и последовательность образов дракона.

• «Ицзин», перевод James Legge. V. The Hsü Hexagram: различающиеся положения ожидания.

• James Legge. Chapter III: The Appendixes: устройство комментариев в историческом издании. Его исторические реконструкции не принимаются автоматически как нынешний научный консенсус.

• Ицзин. Цянь, линии 1 и 6, перевод James Legge, сопоставительное размещение Baharna: Проверка двух кратких цитат к первой и верхней линиям Цянь; современные переводы не воспроизводятся.

• Эпиктет. «Энхиридион», §§1, 5, 31–32, перевод Elizabeth Carter: Стоическое различение собственного действия и внешнего исхода; гадание не заменяет уже известный долг.

• «Бхагавадгита», главы II–III, перевод Edwin Arnold, The Song Celestial, издание 1900: Действие без привязанности к плоду (II.47–48; III.4–9): сопоставление отношения к поступку и исходу, без отождествления карма-йоги с чтением Ицзин.

• Dhammacakkappavattana Sutta, SN 56.11, перевод Ṭhānissaro Bhikkhu: Четыре различные задачи: понять страдание, оставить его причину, осуществить прекращение и развивать путь; сопоставление различений не превращает Ицзин в буддийский метод.

Теги

Ицзин, Чжоу и, Канон перемен, китайская философия, гексаграмма, триграмма, инь, ян, шестьдесят четыре гексаграммы, Десять крыльев, Конфуций, традиционная атрибуция, Ван Би, Джеймс Легг, Цянь, Сюй, символ, образ, толкование, время, своевременность, ожидание, действие, мера, гадание, предсказание, ответственность, решение, сравнительная философия, история текста

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и

взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.